

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ФИЛОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: МЕТОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИДЕИ

Материалы Всероссийской научной конференции
8 апреля 2013 года

Сборник статей

Пермь 2013

УДК 80
ББК 80
Ф 54

Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы
Ф 54 Всерос. науч. конф., Пермь, 8 апреля 2013 г. / отв. ред.
Н.В. Соловьева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. –
282 с.

ISBN 978-5-7944-2248-1

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи», прошедшей на филологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сборник предназначен для широкого круга филологов.

УДК 80
ББК 80

Печатается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензент: кафедра общего языкознания Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета

Редакционная коллегия: В.В. Абашев, Е.А. Баженова, Е.В. Ерофеева,
Б.В. Кондаков, В.А. Салимовский, Н.В. Соловьева

Ответственный редактор: Н.В. Соловьева

ISBN 978-5-7944-2248-1 © Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2013

Key words: S.A. Auslender; F.A. Stepun; “The visions of life”; “Nikolay Pereslegin”; “Basic problems of theatre”; anthropology; literary hero; “man-artist”.

УДК 398+229

Королёва Светлана Юрьевна
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
petel@yandex.ru

Туманова Ольга Сергеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
tumanova_os@mail.ru

ОБРАЗ САЛОМЕИ-ПОВИТУХИ: АПОКРИФ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ¹

Статья посвящена повитухе Саломее – персонажу, упоминающемуся в апокрифических версиях сюжета Рождества Христова, получившему воплощение в иконографии и фигурирующему в ряде фольклорных жанров (духовных стихах, заговорах, формулах-обращениях, мифологических рассказах). Делается попытка раскрыть некоторые ранее не отмечавшиеся связи фольклорных текстов с церковной книжностью и визуальными изображениями Саломеи; выявляется роль лингвистического фактора в ее сближении с женскими персонажами низшей мифологии.

Ключевые слова: христианские апокрифы; обряд родин; заговоры; низшая мифология славян; народная религия.

Рассмотренные в контексте христианской книжности и ритуальности, многие явления народной культуры, которые ранее интерпретировались исследователями как «реликты славянского язычества», обнаруживают связи с церковной традицией. Привлечение такого контекста особенно важно при изучении фольклорных персонажей церковно-книжного происхождения. К их числу принадлежит повитуха («бабушка») Саломея, которая, согласно апокрифическим Евангелиям, присутствовала при рождении Христа. Ее иконография подробно описана в фундаментальном исследовании

Н.В. Покровского (1892, переиздано в 2001 г.: [Покровский 2001: 142–156, 166–173, 183–188]); на широком фоне христианской книжности образ Саломеи рассмотрен славистом А.Б. Страховым [Страхов 2003: 201–204]. Фольклорным формам ее имени, генезису и контекстам его возникновения в заговорно-заклинательных текстах посвящена статья А.В. Юдина [Юдин 2011].

В работах специалистов также сделан ряд частных наблюдений: приведены факты почитания Саломеи в среде рожениц и повитух [Листова 1989]; исследован мифологический мотив «особых» рук повитухи / Саломеи и его реализация в обрядах родинного цикла [Кабакова 1993]; выделены связанные с этим персонажем сюжетные ситуации в заговорах [Кляус 1997; Агапкина 2010: 302–304]. Вместе с тем ряд вопросов остается недостаточно проясненным. Выявлены не все генетически значимые для образа источники, не все «фольклорные ипостаси» Саломеи-повитухи получили убедительное объяснение. Дискуссионным остается утверждение о ее связи с женскими демонологическими персонажами. Этим вопросам и посвящена данная статья².

Приход повитухи к Деве Марии – сюжетная ситуация, имеющаяся в ряде христианских апокрифов. Самый ранний из известных источников – Протоевангелие Иакова (вт. пол. II в.): оставив Марию в пещере, Иосиф уходит за повитухой, которая, придя, наблюдает чудесное рождение Христа; проходящая мимо Саломея желает удостовериться, что Мария осталась девой, за неверие ее рука отнимается; раскаявшись, Саломея по совету ангела берет на руки Христа и исцеляется [Свенцицкая, Трофимова 1989]. В последующих апокрифах имеются заметные расхождения с Протоевангелием Иакова (далее – ПИ), что позволяет исследователям предполагать опору на разные, хотя и близкие, устные традиции [Скогорев 2000]. Так, лаконичное упоминание о повитухе Саломее содержит «Книга Иосифа Плотника» (рубеж IV–V вв.): в эпизоде бегства в Египет Саломея присоединяется к Св. Семейству, чтоб сопровождать Марию и дитя. Хотя ранее Саломея здесь не упоминалась, автор не поясняет, кто она такая – очевидно, полагая, что это общеизвестно [Там же]. Безымянная повитуха («старуха-еврейка») фигурирует и в т.н. Арабском Евангелии детства (V – перв. пол. VI вв.): придя к Марии по зову Иосифа, она обнаруживает, что ее услуги не нужны; сетуя на бедность и давнюю болезнь, по совету Богородицы старуха возлагает руки на Христа и выздоравливает, после чего обещает до конца жизни быть его «служанкою и рабынею». В эпизоде обрезания повитуха опускает кусочек его крайней плоти (или пуповины) в сосуд с маслом

(впоследствии Мария Магдалина смазывает им ноги Христа) [Там же]. Версии этого сюжета из славянских вопросно-ответных текстов XV в. («Вопрошения различна», «Слово о небеси и о земли», «Беседа трех святителей») и более поздних греческих рукописей приводит А.Б. Страхов [2005: 201–202]; он полагает, что в их основе лежит какая-то греческая легенда. Однако, по-видимому, впервые история о приготовлении повитухой масла зафиксирована именно в Арабском Евангелии детства.

Повитуха Саломея фигурирует и в позднем Евангелии Псевдо-Матфея (VIII–X вв., далее – ЕПМ), составленном на латыни и широко известном на средневековом Западе. Излагаемая в нем версия рождения Христа основана на переработках ПИ, но имеет ряд отличий; в частности, Саломея в нем прямо названа повитухой (в ПИ – без указания на род занятий, но с родословием – «из семени Авраама, Исаака и Иакова»), напарницу Саломеи зовут Гелома / Зелома (в ПИ – безымянная), для исцеления Саломея касается пелен Христа (в ПИ – берет его на руки). Исследуя генезис Саломеи-Соломонии в русских заговорах, А.В. Юдин указывает в равной мере на ПИ и ЕПМ; факты упоминания не двух, а одной повивальной бабки (Саломеи) в древнерусской церковной книжности он объясняет «смешением» сходно звучащих имен (Саломия – Зелома), которое затем наследуется русским фольклором [Юдин 2011: 219–221]. Приведенные выше апокрифы ставят это предположение под сомнение и позволяют говорить, скорее, о том, что древнерусским авторам были знакомы обе версии сюжета Рождества (с одной и двумя повитухами), зафиксированные в христианской книжности. В уточнении нуждается и роль этих апокрифических евангелий (ПИ и ЕПМ) как источников, к которым может восходить фольклорный образ Саломеи-повитухи. Не позднее XII в. ПИ было переведено на церковно-славянский язык и имело хождение под несколькими названиями («Иаковля повесть» и др.: [Порфирьев 1890: 5]); оно попадало иногда в списки «отрешенных» книг, однако не было запрещено полностью и упоминалось в богословских трудах. О переводе на церковно-славянский язык ЕПМ в известных нам источниках не говорится; по-видимому, его влияние (если оно было) корректнее называть косвенным. На это отчасти указывает и тот факт, что в древнерусских церковных текстах и иконописи имя второй повитухи (Зеломы) не упоминается: если она фигурирует, то – как в ПИ – остается безымянной (а в фольклоре вообще отсутствует).

Упоминания Саломеи-повитухи в древнерусской церковной книжности собраны Н.В. Покровским [Покровский 2001: 155, 167, 171–

172] и введены в фольклористический оборот ([Юдин 2011: 220–221], с добавлением других славянских источников см.: [Страхов 2005: 201–203]). В этом ряду примечательны Великие Минеи Четьи, составленные преп. Макарием (перв. треть XVI в.): в «Слово на Рождество Пресвятыя Богородицы» (8 сент.) он включает подробный пересказ фрагмента ПИ о рождении Христа [Великие Минеи 1886: 360–361] и апокрифическое «Житие Пресвятой Богородицы» иерусалимского монаха Епифания (XI–XII в.), наделяющего Саломею престижной генеалогией (она оказывается родственницей Девы Марии и Елизаветы – матери Иоанна Крестителя): «Мафан иерей от Вифлиома имяше дщери три: Марию, Софию, Анну. Мария же роди Соломею бабу <...> Не дошед же Иерусалима село есть Вифлеомское, иже бяше стяжание Саломиино, Богородицыны тетки; <...> послуживши же ей о всем Саломии, баба ей сущи в Вифлеоме, тетка сущи Святой Богородици... от матерня рода» [Там же: 364, 369]. Возможно, родословие именно этой Саломеи отражается в прикамском заговорном тексте (здесь она названа одной из сестер Лазаря, которые, по церковному преданию, были в числе жен-мироносиц вместе с другой Саломией – матерью двух апостолов): «... еще я помолюся, еще я покорюся трем сестрам лазарям Мария, София, Соломида» (Чердынск. р-н, 2010; архив Лаборатории культурной и визуальной антропологии (далее ЛКиВА) ПГНИУ). Смешения одноименных персонажей, встречающиеся иногда в христианской книжности, являются типичными для фольклора.

Хотя Саломея не была канонизирована, принимавшая Христа «баба» упоминалась в молитвах, входивших до реформы патриарха Никона в рукописные требники («Молитва бабе приемшей отроча»: «Господи Иисусе Христе... бабою повитый пеленами»; «Молитва бабе, егда принесен будет Младенец крестити до сорока дней»: «Господи Боже наш... аки детищ восприят быв, сам и сию рабу твою бабу помилуй»; цит. по: [Покровский 2001: 172]). После изъятия этих молитв повитуха продолжает фигурировать в литературе для «душеполезного» чтения (так, в «Слове на Рождество Христово» Димитрий Ростовский называет Саломию «праведной» и «старицей... не из числа грешных» [Димитрий Ростовский 1868: 466, 470, 474, 477]).

Популярности Саломеи-повитухи в народной культуре также способствовали ее многочисленные иконописные изображения (в сцене Рождества Христова), на что уже указывали исследователи [Традиционная магия 1993: 167–168; Агапкина 2010: 302–303]. Сопоставляя западный и восточный средневековый иконографический канон, Н.В. Покровский приходит к выводу, что наиболее типичным для византийско-русской традиции было изображение двух повитух (реже –

одной) в нижнем ярусе многофигурной композиции: женщины моют младенца Христа, стоящего в купели, либо одна из них держит его на коленях, а другая подливает в купель воду [Покровский 2001: 144–156]. Из канона Рождества Христова сцена купания заимствуется в житийные иконы с клеймами, показывающими рождение Девы Марии, Иоанна Предтечи и других святых [Там же: 183–184], что многократно увеличивает частотность изображения повитух. С иконописным омовением, по-видимому, может соотноситься народное представление о том, что Саломея «размывала руки» с самой Богородицей, да и обряд «размывания рук» как таковой [Листова 1989; Кабакова 1993: 63–64]. Параллели с иконописным изображением обнаруживают, на наш взгляд, и некоторые локальные элементы родинной обрядности: необходимость присутствия при родах не одной, а двух повитух (полесск., [Кабакова 2001: 117–118]); обычай «погружения в воду» новорожденного младенца, которое однократно совершает повивальная бабка до крещения в церкви (судогодск., [Добровольская: 2001: 99]).

Согласно церковному канону, Дева Мария сама выполнила с новорожденным Христом все действия, которые обычно осуществляет повитуха. Возможно, этим объясняется своего рода «изофункциональность» Богородицы и Саломеи, возникающая в некоторых фольклорных жанрах. Так, ситуацию, когда одно и то же действие приписывается то одной, то другой героине, находим в различных записях «Сна Богородицы». Этот поздний апокриф (вероятно, западного происхождения) имел широкое распространение в простонародной среде, где он до сих пор бытует в устной и письменной форме, приобретая черты молитвы, заговора, духовного стиха (см. об этом: [Райан 2006: 425–428; Русские заговоры 2010: 416]). Вот как описывается рождение Христа и действия Богородицы в одной из версий: *«Я брала же дитё в белы рученьки, / <...> Я ведь пеленала дитё я ведь в белы-белы пелена. / Я ведь вязала дитё я ведь белым-белым поясом»* (юрлинск., [Бахматов 2003: 197, 199]). В других версиях «Сна» подобные действия выполняет повитуха: *«Его бабушка Фаламия <Саламия> на руки принимала, морской водой обмывала, шелковой травой обтирала, пелены в черные пеленала, поясом шелковым повивала»* (нижегород., [Рукописная проза 2008: 145–146]).

О том, что тесная связь повитухи с Богородицей, выражающаяся в случаях замены одного персонажа другим, носит в народной культуре не случайный характер, свидетельствуют и заговоры (примеры см.: [Кляус 1997: 72–73, 75, 152, 175]). Исследователи уже отмечали возможное влияние на заговорный образ Саломеи ее иконописных изображений [Агапкина 2010: 303–304]: и там и там она предстает как обычная

повивальная бабка (а значит, согласно реалиям народной культуры, и как знахарка, которая может окачивать и парить младенца, «загрызть» грыжу и т.д.): *«Не я тебя парю, не я тебя жарю, парит да жарит Соломония да матушка своим шелковым венчиком, да на сон, на угомон, на доброе здоровье. Спи с вечера до полночи, с полночи до утра. Как в утробе матери лежал, ничего не знал, ни писку, ни вереску, так и сейчас ничего не знай»* (Чердынский р-н, 2011; архив ЛКиВА ПГНИУ). Нам представляется, однако, что влияние иконографии Рождества Христова на русскую заговорную традицию имеет и другие проявления. Присутствием на иконе (в едином сакральном пространстве) не только младенца, его матери и повитухи, но также вола, быка, овец и пастухов можно объяснить тот факт, что в ряде заговоров Богородица или Саломея выступают как покровительницы домашнего скота (примеры см.: [Кляус 1997: 69, 71–73 196]).

Отдельно необходимо упомянуть специфическую роль фольклорной Саломеи как охранительницы человека в «нечистом» пространстве бани. В ряде работ «бабушка Саломея / Соломонида», которую зовут «помыть-попарить» ребенка, отнесена авторами к разряду «языческих» или «народно-мифологических» персонажей [Дмитриева 1988: 62; Черепанова 1983: 44]. Н.А. Криничная полагает, что в этом образе воплощается «роль баенника как дарителя здоровья» [Криничная 2004:73]. Подобную точку зрения критикуют А.Б. Страхов [Страхов 2005: 203] и А.В. Юдин, который, в частности, пишет: «... концепция Соломонии как банника не кажется нам убедительной. <...> Истоки образа Соломонии лежат в области христианской книжности, и для объяснения ее заговорных функций необязательно обращаться к сфере демонологии» [Юдин 2011: 219]. Соглашаясь с первой частью утверждения, отметим, что в процессе фольклоризации образа Саломеи-повитухи ее сближение с персонажами низшей мифологии все-таки происходит. Многочисленные свидетельства мы находим не столько в заговорах, сколько в тесно примыкающем к ним речевом жанре фольклора – формулах-обращениях (произносимых перед входом в баню и выходом из нее, на окачивание ребенка водой и т.п.). Так, в прикамских записях адресатом – наравне с баней – становится и «бабушка Саломея»: *«Очисти, банька-парушка, Саломея-бабушка, малое дитё от всех болячек»*; *«Чисти, банька-парушка, Саломея-бабушка, дай здоровычка, все болячки унеси...»* (Чердынский р-н, 2010); *«Банюшка-матушка, тёплая парушка, пусти топить, пусти париться-мыться»* (Кудымкарский р-н, 2002; всё – архив ЛКиВА). О том, что «бабушка Соломонида» выступает здесь именно как «хозяйка» бани и заступница от нечистой силы, свидетельствует комментарий

информанта: «В бане бабушка живет, Соломонида-бабушка. В баню ходите: “Банна бабушка, Соломонида-бабушка, пусти меня помыться-попариться”. У нее разрешение нужно спросить, она тебя и хранить будет. А то вдруг кто на тебя нападет, блазнить будет... Она этим заведует, баней» [Вишерская старина 2002: 29].

Подобные формулы-обращения выступают своего рода связующим звеном между заговорными текстами и мифологическими рассказами, в состав которых они иногда включаются («Банница, пусти помыться» [Былички и бывальщины 1991: 118]; «Банная староста, пусти меня» [Там же: 131] – предписания из чердынских рассказов о женщинах, наказанных за нарушение банного этикета). Ряд сюжетов о банных духах прямо связан с произнесением специального обращения к «банной старосте» или «обдерихе», после чего та не трогает человека [Миф. рассказы 1996, № 200, 204] и защищает его от других «нечистых» [Там же, № 192; Криничная 2004: 90–91]. Женский аналог банника имеет в русском фольклоре ряд названий: *банная бабушка, баянная матушка, банная староста, банная хозяйка, банница, байниха, обдериха* – и обычно рассматривается недифференцированно; попытку соотнести варианты названий с различными функциями «банного духа» предпринимает М. Власова [Власова 2000: 28–36]. Характеризуя «банную бабушку / матушку», она отмечает ее связь с роженицами и предполагает, что это «сверхчеловеческий “двойник” бабушки-повитухи, <...> дух, “хозяйка” бани-“целительницы”» [Власова 2000: 28–29].

О том, что между мифологической «банной хозяйкой» и апокрифической повитухой в фольклоре действительно существует связь, свидетельствуют записи, где Соломонида фактически именуется «банной бабушкой». Их сближение можно объяснить тем, что обе они действуют в пространстве бани. Но свою роль, по-видимому, сыграл и лингвистический фактор. В книжных источниках и на иконах апокрифическая повитуха именуется «Саломия баба», где слово «баба» определенно означает ‘повитуха’; в русских говорах это слово употребляется также в смысле ‘лекарка, знахарка’ [СРНГ 1966: 14], а в сочетании с мифологическими именами и эпитетами обозначает женских демонологических персонажей (*баба Яга, баба Середа* [Слав. древ. 1995: 122]; *белая баба, болотная баба, водяная баба* [Власова 2000: 36, 52, 92]). Подобный семантический ореол позволяет «бабе Саломии» сближаться с рядом мифологических *баб* и *бабушек*, из которых «банная бабушка» семантически наиболее ей близка (ср.: слово «бабушка» также имеет значения ‘повивальная бабка’, ‘лекарка, знахарка’ [СРНГ 1966: 29–30]). На материале прикамских записей

видно, что, став «хозяйкой» бани, «бабушка Соломонида» сохраняет свою положительную функцию помощницы и охранительницы. О том, остается ли это объединение двух персонажей простой контаминацией или приводит к трансформации образов, можно будет судить на основании дальнейших исследований.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-14-59601 («Народная религиозная поэзия Обвинского края и “русского острова”»).

² Авторы выражают признательность А.Б. Ипполитовой, М.Г. Вадейше, В.Б. Колосовой и Т.Г. Голевой за ценные советы и содействие в поиске источников.

Библиографический список

Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Бахматов А.А. Юрлинский край: Традиционная культура русских к. XIX–XX вв. / Бахматов А.А., Подюков И.А., Хоробрых С.В., Черных А.В. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2003. 496 с.

Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 412 с.

Великие Минеи Четьи, собранные митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1–15 (Памятники славяно-русской письменности, изданные археографической комиссией). СПб, 1868.

Вишерская старина: сборник фольклорно-этнографических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области / сост. И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, Н.В. Жданова. Пермь: ПРИПИТ, 2002. 100 с.

Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб: Азбука, 2000. 672 с.

Димитрий Ростовский, митр. Слово на Рождество Христово // Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского (в 5-ти частях). Ч. 3. М., 1868. С. 466–490.

Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 240 с.

Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций в Судогодский р-н Владимирской обл.) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. С. 92–106.

Кабакова Г.И. Золотые руки // *Philologia slavica*. К 70-летию акад. Н.И. Толстого. М.: Наука, 1993. С. 60–70.

Кабакова Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 107–129.

Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М.: Наследие, 1997. 464 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академ. проект, Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142–171.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и комм. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 212 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/cherep/index.php (дата обращения: 07.04.2013).

Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук (Т. LII, № 4). СПб., 1890.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно русских и византийских. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.

Райан В.Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / пер. с англ. М.: НЛО, 2006. 720 с.

Рукописная религиозная проза Нижегородского края / сост., авт. вступит. ст. и коммент. Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород: Растр-НН, 2008. 294 с.

Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подготовка текстов, статьи и комментарии А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 829 с.

Свенцицкая И., Трофимова М. Апокрифы древних христиан. М.: Мысль, 1989. 336 с. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Svenc_index.php (дата обращения: 07.04.2013).

Скогорев А.П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. СПб.: Алетейя, 2000. 480 с. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Skogor_index.php (дата обращения 07.04.2013).

Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. 575 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М., Л.: Наука, 1966. 316 с.

Страхов А.Б. Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge, Mass., 2003 (Palaeoslavica XI. Supplementum I). 380 с.

Традиционная русская магия в записях конца XX в. / сост. С.Б. Адоньева и О. Овчинникова. СПб.: Френдлих-Таф, 1993. 176 с.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.

Юдин А.В. Бабушка Соломония в восточнославянских заговорах и источники ее образа // Славянский и балканский фольклор (Вып. 11: Виноградье). М.: Индрик, 2011. С. 215–224.

S.U. Korolyova

Reader of Russian Literature Department
Perm State National Research University

O.S. Tumanova

Undergraduate of Philological Faculty
Perm State National Research University

MIDWIFE SALOME: APOCRYPHAL WRITING AND FOLKLOR TRADITION

Midwife Salome is the character who is mentioned in apocryphal versions of Christmas plot and included in Christian iconography; she also appears in a number of Russian folklore genres (spiritual verses, plots, formulas addresses, mythological stories). The article is devoted to interrelations between folklore texts, church writing and visual images of Salome; the role of linguistic factor in her rapprochement with female characters of Russian lowest mythology comes to light.

Key words: Christian apocryphal stories; maternity ceremony; spells; Slavic mythology; folk religion.

УДК 821.161.1.09 “1992/...” – 1

Моисеева Анна Александровна

старший преподаватель кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
akunevich@mail.ru

ОБРАЗ МУЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена особенностям образа музы в современной русской поэзии. Мы наблюдаем затухание прежней традиции торжественной презентации этого образа. В то же время в поэтических описаниях Музы, которые обнаруживаются в произведениях современных авторов, актуализируются комические ассоциации и негативные коннотации.

Ключевые слова: образ музы; современная русская поэзия; традиции и новаторство.

Образ музы, заимствованный из античной мифологии, с XVIII века является неотъемлемой частью русской поэтической культуры. Помимо первичного значения – «богини поэзии, искусств и наук, девять сестер, рожденных в Пиэрии» [Мифы народов мира 2000: 177] – музы достаточно быстро приобретают еще одно, становящееся основным: образы, воплощающие в себе индивидуальные особенности поэтического мировосприятия и творческой манеры отдельных авторов. У каждого поэта появляется своя собственная «авторская» муза, которая может ассоциироваться с его возлюбленной, но чаще представляет собой своеобразную персонификацию его творческой манеры: «Музо! Не пора ли слог отменить твой / грубый / И сатир уж не писать? / Многим те не любы...» (А.Д. Кантемир «Сатира IV. О опасности сатирических сочинений: К музе своей») [Русская поэзия XVII–XX